

Сила рук и никакого мошенства

Русский фальсификат. 1998, 21 апр., с. 10

В Третьяковке открылась выставка
качка-фальшивомонетчика

Еще Волошин предостерегал распространять демократические принципы на искусство, а Ортега-и-Гасет предупреждал, что искусство — не пропорция, где пока всех не вычислишь, что-то не сойдется. Открывать забытых художников — занятие достойное, но уж больно тоскливое в своем пафосе. Однако последние мероприятия этого рода концептуальны почище гелматовских.

На Солянке показывают графику Оттона Энгельса (которого не знают ни Юрий Герчук, ни Юрий Молок), «Ковчег» — Бориса Булгакова (который сознательно растворился в анонимности заставок и виньеток, опасаясь своего белогвардейского прошлого), Третьяковку вытаскивает из небытия Ивана Надуева (легкий привкус «надувательства»), сегодня она представляет творчество Ивана Мясоедова, известного также как Евгений Зотов.

Второе имя понадобилось художнику для поддельного паспорта: он трижды сидел за изготовление фальшивых денег. Если бы этого занятия в его жизни не было, его бы стоило выдумать — уж больно хорошая метафора. Фальшивомонетчик очевидно милей, чем кровопийца, художнику сам Бог велел экспериментировать в разных видах графики — и разве все искусство не «фальшак» по отношению к жизни? Творчество «забытых» оказывается настолько цельным, ярким и неожиданным, что вызывает у специалистов законные сомнения: а был ли мальчик? Ни от Энгельса, ни от Надуева не осталось ничего, за исключением собственно искусства — но что изменится, если обнаружится их выдуманность? Черубина де Габриак, Вернон Салливан, Эмиль Ажар: мистификация стала полноправной частью искусства, а архитектурный «новодел» — такой же мутной обыденностью, как поддельные Versace или Smirnoff (только что в Киеве отстроена церковь Успения Богородицы Пирогощей — XII век, между прочим).

Вся эта зыбкость хорошо укладывается в магистральный тренд современного русского искусства: выговаривать предельно нелепые вещи на полном серьезе — так, чтобы потребитель истерзался сомнениями: то ли он дурак, то ли автор, а может это концепция такая. Суть в том, что окончательного ответа и не предполагается, общий знаменатель истреблен, жизнь публики превратилась не то в пасху, не то в первое апреля: веришь — не веришь, но фиг проверишь, и, что самое главное,

непонятно какова цена этой веры, это вам не «пари Паскаля». Имена же лидеров этого тренда — Кулик, Курицын, Кузьминский, Куликов — вполне отчетливо сигнализируют: ку-ку! купился? кушай на здоровье. Эту мейнстримную двусмысленность логично отражает популярная рубрика «МК» — «Ку-Ку», «курьер культуры», бишь.

Нынешняя выставка полна подобных намеков, хотя антураж вполне серьезный: привезли ее из-за рубежа (пусть и из Лихтенштейна), в каталоге — приветствия министров, наличествует профессиональный мясоедовед (пусть и из Севастополя), и в истории русского искусства имя такое тоже значится (Бенуа отмечал его «неприятную слащавость»). Более того, в отличие от Надуева, чья биография поражает практически полным отсутствием «биографии» (жил, служил, страдал костным туберкулезом), у Мясоедова жизни — полная чаша. Сын известного передвижника, он помогает Рубо ваять «Бородинскую битву», общается с Репиным и Горьким, женится на артистке варьете по имени Мальвина. Служит у Деникина, чудом избежав расстрела, эмигрирует в Берлин. Рисует плакат для «Фауста» Мурнау, снимается в кино, расписывает молебную Моабитской тюрьмы. Портретирует Муссолини, меняет имя, перебирается в Лихтенштейн, сочиняет княжеству марки, пишет «Философию культурного пессимизма», на 73-м году жизни бежит в Аргентину и на борту корабля пишет последний этюд — который выставлен в залах ГТГ с таким пиететом словно это рублевская икона.

Яркая авантюрная биография гармонично дополнена столь же яркими и столь же вульгарными картинками. Сознательная тщета творческих усилий, Мясоедов вдумчиво трудился над собственным имиджем: качал бицепсы, татуировал брови и веки, обожал переодеваться и фотографироваться голым. Тем же занимался Франц фон Штук — но поскольку тучный баварский гений остается у нас персоной нон грата, то зритель с чистой совестью может считать Мясоедова первопроходцем, а равно и предтечей питерских неоакадемистов: та же любовь к античной мифологии (попытки актуализации которой оборачиваются кичем), автопортреты в роли героев, красота обнаженного тела (желательно — собственного), бесконечное цитирование, где жизнь и искусство переплетаются морским узлом: любимая мясоедовская натурщица позировала Семирадскому — тридцатью годами раньше.

Жизнь Ивана Мясоедова почти полностью умещается в слово «культуризм»: рисовал, скитался, качался

Но питерские неоакадемисты не только на порядок тщедушнее Мясоедова, но и куда менее изобретательны. Если у Остапа Бендера было сто способов отъема денег (а у Бренера — сто способов облегчиться), то Мясоедов знал сто сравнительно честных способов создания картины. Он подражал не просто отдельным художникам, а вполне конкретным вещам — выставка таким образом превращается в кроссворд, очередное знаковое слово современного искусства. «Изабелла» — суриковская боярышня, портрет жены 1916 года — парный автопортрет Штуков, то же 1915 года — серовская «овальная» Гиршман, «Парк» — бакстова «Ваза», «Леда и лебедь» — серебряковские эскизы панно Казанского вокзала, «Геракл и Гилас» — ассорти из врубелевских Демонов, «Аталанта и Гиппомен» — «Фрина» Семирадского. Феерическую несостоятельность художника авторы каталога (ловко опускающие в цитатах критику) предлагают нам считать Gesamtkunstwerk'ом — жизнь и поэзия одно, кровь и морковь неразделимы.

Трудно смотреть эту выставку без смеха, верить, что все это всерьез. Но раз Третьяковка (которая все-таки не бесшабашный Русский музей) сознательно предлагает нам очень плохое искусство — мы должны оценить это дружеское подмигивание. Хотя бы как свидетельство того, что ГТГ не чужда новейших веяний: сама того не подозревая, она потихоньку осваивает кэмп.

Жаль только, что делает она это бессознательно, руководствуясь одним практическим расчетом. Само по себе старое искусство нынче мало интересно обывателю. Разве что когда продается, ворует или подделывается. Никакая выставка не идет в сравнение с аукционами Сотбис и Кристи; ничто так не волнует общественность, как возможный передел музейных богатств; самый же яркий проект последних месяцев — выставка «Фальшивого» Явленского в Эссене. Третьяковка отставать не хочет, но и лицо терять жаль — а потому идет на компромисс: показывает не «фальшак» как таковой, а «фальшак» эстетический. В конце концов, фальшивыми деньгами тоже до поры до времени можно расплачиваться, а от фальшивой водки — пьянеть. Сблевать не сблюю, как говорил незабвенный Веничка, но стошнит — это точно.

PS. Провокативность проекта подтверждается также тем, что выставка художника Мясоедова открылась в Страстную пятницу.

Николай МАЛИНИН

Выставка «Путь скитаний» организована Третьяковской галерей совместно с Фондом проф. Евгения Зотова/Ивана Мясоедова (Вадуц, Лихтенштейн), но включает также картины из музеев Полтавы, Одессы, Бердянска и Петербурга — всего около двухсот. Открыта в Инженерном корпусе ГТГ до 21 мая.

Miasoedov Ivan

21.04.98